

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦИФРОВАЯ РИТОРИКА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.В. Воробьева

Минск, Белорусский государственный университет

Кризис идентичности в виртуальном пространстве обусловлен трансформациями в механизмах конструирования личности, затрудняющими самоопределение относительно смысла, что ведет к росту неопределенности. Постмодернизм провозгласил замену трансцендентного происхождения смысла происхождением трансцендентальным. Такая замена «извне» на «изнутри» обернулась рядом проблем, решаемых в контексте цифровой риторикой, предоставляющей концептуальные инструменты для перехода к рефлексивной ориентировке в виртуальном мире. Поэтому цель заключается в выявлении точек их пересечения.

Идея риторических механизмов самоидентификации как инструмента построения личной и публичной жизни, восходящая к античному миру, раскрывается в онтологическом контексте отношений между людьми и управления социальными процессами. Концептуально такие механизмы были сведены Аристотелем к трехэлементной структуре – логос, этос, пафос, раскрываемой в конкретной ситуации («кайрос»). В риторике логоса доминируют факты и формальные и содержательные аргументы, в риторике этоса – авторитет, в риторике пафоса – экзистенциальные аргументы. Конкретная ситуация составляет контекст, в котором событие обретает прагматические свойства, например, актуальности, своевременности, новизны, поддержки или подтверждения.

Риторические механизмы самоидентификации в виртуальном пространстве несовместимы с рынками поведенческих фьючерсов, формирующих привычки и паттерны рефлекторного поведения. Первая причина несовместимости заключается в том, что познавательная активность осуществляется преимущественно в виртуальной среде с уменьшением осознанности выбора. Вторая – в одновременности упрощения и ускорения информационного влияния и замедления и усложнения критического восприятия по отношению к нему. Как следствие, в контексте информационного воздействия реализуются не познавательные стратегии, а деструктивные изменения сознания и ментальный терроризм. Например, Ш. Зубофф, выявляя причины «надзорного капитализма», раскрывает угрозы человеческой природе в XXI веке, в котором все подчинено новым средствам модификации мышления и поведения [1]. Г. Ловинк обосновывает необходимость развития сетевой культуры [2].

В фокусе цифровой риторики обоснование указанных причин кризиса идентичности предполагает уточнение феноменов *истина/правда, ложь/фейк, паррезия*. Если истина рождается только в гомологии

(диалогическом, или диалектическом, единомыслии), поддерживаемой логикой, то правда есть следствие устойчивых убеждений, обнаруживаемых в ракурсе антропоцентризма. Обоснование истины в диалогическом мышлении осуществляется в пределах более чем одной перспективы, что позволяет оценить силу и слабость противоположной точки зрения. Феномен правды обусловлен казуистикой, т.е. разбиванием темы на множество частных случаев и деталей применительно к различным обстоятельствам, как в аргументации Сократа или в качестве кейс-метода в образовательных технологиях. Если обратной стороной истины выступает ложь, то обратной стороной правды – фейк. Фейки – это казуистическое акцентирование нужных деталей в отрыве от основной темы и ее сокрытии. Подобные софистические симуляции невозможно верифицировать, поэтому их нельзя принимать без сомнений.

Феномен паррезии связан с правдой. Платон под паррезией понимал говорение правды во всех ситуациях и в полном объеме, даже если она нелицеприятна. Таков образ мыслей Сократа, который свободен в выражении своих убеждений, противопоставляя правду лжи или молчанию, критику – лести, долг – равнодушию. Античное искусство правды раскрывается как искренность в высказываниях, сопряженная с риском потерять благополучие, положение или жизнь. Но такое искусство несовместимо с критиканством, которое обусловлено чаще всего невоспитанностью, высокомерием, пренебрежением к людям и обществу. Критиканская подача информации является антитезой ее критического осмысления, так как за ней стоит человек, не умеющий себя сдерживать вследствие вечного недовольства и провоцирующий окружение к неоправданным действиям и мыслям, не умеющий воспринимать критику и проигрывающий в публичных спорах вследствие собственной демагогии.

Критиканские стратегии используются для самоутверждения, привлечения внимания к своей персоне, для сведения счетов и пр. Отдельные блоггеры выражают откровенное заискивание перед хамством правдоискателей (например, в образе мыслей Навального), выдавая его риторику за паррезию. Подобного рода правдоискательство свойственно аутсайдерам социально-культурных процессов, а также культурно и социально слабым группам. Пафос их аргументов отражает вызывающе-презрительное отношение к миру. Риторика аутсайдеров – это не ироничные филиппики, а цинизм, граничащий с высокомерием или пренебрежением к культурным или иным нормам и допускающий публичные оскорбления. Подобный ментальный терроризм сопряжен с отрешением от любых форм условностей, что делает софистическую казуистику экстерриториальной, принимающей порой формы цинизма.

Тролли в интернете могут служить иллюстрацией радикального цинизма, заключающегося в самоутверждении посредством вызывания отрицательных эмоций у партнеров по коммуникации. Подобное

самоутверждение поддерживается относительной анонимностью и безнаказанностью. Ощущение и демонстрация своего превосходства не является формализованным выражением убеждений, так как их границей выступает не логика, а чувственно-рефлекторное познание, стимулом к действию – риторика зависти или ненависти. Подобная риторика преодолевается иронией. Если зависть и ненависть наделяют человека ложным чувством превосходства, то риторика иронии позволяет сделать метонимическое смещение в восприятии. Образ мыслей Сократа опирается на эту риторику, в которой различимы три типа иронии – остроумие, насмешка и сарказм. Они, согласно Х. Уайту, указывают «на потенциальную глупость всех языковых характеристик реальности, как и на абсурдность всех убеждений, которые она пародирует» [4, с. 56].

Ирония позволяет одновременно усомниться в истине/правде и неявно сформулировать антитезис, что ведет к реконструкции миропонимания посредством противопоставления явного и скрытого, буквального и фигурального. Такая реконструкция способствует критическому осмыслению существующих порядков вещей как противоречивых, парадоксальных или абсурдных. Для этого необходимо установление правильной дистанции к описанию, позволяющей достичь определенного критического сдвига в восприятии. В результате, опираясь на игру с отрицанием и диалектику противоположностей, противоречия, парадоксы и абсурд осмысливаются как неизбежность. Это позволяет высветить возможности в закрытой семантике клипового мышления и перейти к смысловой мобильности, исходя из того, что смысл заключен не в бытии, как в материализме, и не в языке, как в феноменологии, а в ментальности, допускающей иное в личный опыт [3, с. 115].

Таким образом, преодоление кризиса идентичности в виртуальном пространстве предполагает распознавание идентификационных механизмов, связанных с пониманием того, как работает цифровая риторика. Ее концептуальный инструментарий позволяет определить точки уязвимости сознания и мышления в виртуальных условиях многозначности самоопределения и самореализации человека.

Список литературы:

1. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – М.: изд-во института Гайдара, 2022. – 784 с.
2. Ловинк, Г. Критическая теория интернета / Г. Ловинк. – М.: Ad Marginem, 2019. – 304 с.
3. Малиновская, М.А. Концепция смысла в постмодернистской теории Ж. Делёза: семиотические и когнитивные аспекты / М.А. Малиновская, С.В. Воробьева // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития. – В 3 т. – Т. 1. – Минск: Чет. четверти, 2020. – С. 113–116.
4. Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: УрГУ, 2002. – 528 с.